

(VERA i ŽIŽŅ).

Выходитъ ежемѣсячно.

Адресъ Редакціи: Rīgā, Brīvības ielā № 21, dz. 3.

XVIII годъ изд.

Февраль 1940 года.

№ 2.

Недѣля мытаря и фарисея.

„Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику“.

Такъ смиренно молился приточный мытарь, боязно войдя въ Божій храмъ и стоя здѣсь издавеча съ согбенной головой, на мѣстѣ худородныхъ міра, быть можетъ на мѣстѣ нищихъ, просящихъ милостивыхъ подаваній.

Коротка эта молитва, но въ ней высота, доходящая до небесъ, и въ тоже время лучшее изъ таящагося въ глубинѣ сердца челоуѣка.

Возносясь мыслью и сердцемъ къ Святѣйшему Богу, какъ иначе мы побуждаемся болѣе всего воздыхать, какъ не словами мытаря: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику“.

Припоминая еще лѣта юности своей, кто не долженъ вмѣстѣ съ боговдохновеннымъ псалмопѣвцемъ вопить: „Грѣхи юности моя и невѣдѣнія моего, Господи, не помяни“.

А время зрѣлаго возраста развѣ протекаетъ безъ спотыканій и сознательныхъ нравственныхъ паденій? Вѣдь, сколь много, много нами зла содѣяннаго, порождающаго въ насъ скорби, горькое сожалѣніе и тяжелое самобичеваніе изъ за потеряннаго времени для дѣла душеспасенія! Сколь много найдется такого, что заставляетъ насъ стыдиться самихъ себя, трепетать предъ Богомъ и въ минуты покаянныхъ размышленій тайно бить себя въ грудь и покаянно воздыхать: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику“!

Старость пожинаетъ благословенные плоды отъ добраго сѣмени, посѣяннаго въ юности и брошеннаго и удобреннаго

рудьмъ, герлвнємъ и добродѣтелями въ зрѣломъ возрастѣ. Когда этого не было, то старости остается лишь горькое чувство о своей слабости, которая уже не позволяетъ начать новую жизнь по направленію къ небу. Но и тогда еще счастливъ тотъ христіанинъ, который не потерялъ вѣры и надежды на безпредѣльное милосердіе Божіе, будетъ смиренно взывать: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику“.

А вотъ всѣмъ неминуемо приспѣтъ никѣмъ нежелательный послѣдній исходный часъ.

Одряхлѣвшая храмина души будетъ безпомощно лежать на смертномъ одрѣ, а бессмертная душа восчувствуетъ, что наступило время предстать предъ Сердцевѣдцемъ Богомъ.

Тогда предстанетъ ей мрачная картина пройденнаго земного пути со всѣмъ лютѣ содѣяннымъ, достойнымъ осужденія. Охватить отходящаго горькое разочарованіе въ томъ, что міръ почиталъ благо, за счастье. Все это теперь, какъ тѣнь, какъ миражъ, исчезаетъ. И содрогнется бѣдная душа и взволнуется, жаждетъ помощи, и ни въ чемъ земномъ не находить.

Но и тогда мятущаяся душа въ предсмертной мукѣ, если посѣщала храмъ Божій, припомнивъ услышанную тамъ молитву мытареву, будетъ стенать: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику“,—она, дерзаемъ вѣровать, услышитъ у исходныхъ вратъ: „Дерзай, чадо, вѣра твоя спасла тебя, войди оправданная въ вѣчный домъ твой!“

Однако, неразумно — отдавать юность и возмужалость міру и покаянный стонъ оставлять старческой слабости. Мытарь, повидимому, уже заблаговременно, еще при полномъ здравіи, занялся облегченіемъ душевнаго бремени.

И христіанину предосудительно отлагать самое важное дѣло своей обуреваемой души до какихъ нибудь угрожающихъ моментовъ, дожидаться раската разразившагося грома или потрясающаго предупрежденія. Ему заповѣдано всегда пещись о бессмертной душѣ своей, какъ о самомъ дорогомъ своемъ сокровищѣ, обогащать ее добродѣтелями, утѣшать и подбодрять молитвами, а изъ молитвъ столь дѣйствительна на наше грѣховное сердце и, вѣруемъ, Милосердому Господу наиболѣе благопріемлема смиренная молитва: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику“. Аминь.

Николай, архіепископъ Печерскій.

О нравственномъ возрожденіи человѣка.

Наука, самонаблюденіе и опытъ говорятъ намъ, что воля въ человѣкѣ это одна изъ главныхъ силъ и способностей нашего „я“, или внутренней сущности человѣка, называемой душой. Такихъ силъ и способностей въ человѣкѣ

три: умъ, воля и чувство. Уму свойственна познавательная дѣятельность, воля—двигаящая или направляющая внутренняя сила, и чувству—область высшихъ переживаній: истины, добра, красоты и Безконечнаго.

Христіанское ученіе признаетъ свободу воли въ человѣкѣ, какъ общеизвѣстный и несомнѣнный фактъ, и поэтому не находитъ нужнымъ подробно говорить о ней. Высшую степень свободы оно полагаетъ въ добровольномъ подчиненіи закону Христа, а рабство воли видитъ въ подчиненіи ея грѣху. Однако, въ ученіи нѣкоторыхъ сектантовъ и въ вѣроисповѣданіи реформатскомъ (въ кальвинизмѣ) существованіе свободной воли въ человѣкѣ отрицается. Но отрицаніе свободы воли противорѣчитъ внутреннему убѣжденію человѣка и вмѣняемости его дѣяній, дѣлаетъ жизнь совершенно безсмысленной, побуждаетъ людей къ дѣйствіямъ неразумнымъ, безнравственнымъ, противоположнымъ природному голосу совѣсти и, что самое главное, способствуетъ отрицанію самыхъ основаній нравственнаго закона.

Дѣятельность воли, какъ внутренней психической силы, выявляется въ волевомъ движеніи къ опредѣленной цѣли, посредствомъ возможныхъ и доступныхъ средствъ. Воля въ каждомъ человѣкѣ можетъ проявляться различно. Въ какихъ же возможныхъ состояніяхъ можетъ выражаться свобода воли?

Предъ человѣкомъ стоятъ два пути: одинъ добрый, путь жизни съ Богомъ, по Его волѣ, т. е., путь приближенія къ Богу, а другой—путь зла, состоящій въ удаленіи отъ Бога. Такимъ образомъ, воля человѣка стоитъ на перепутьи, между доброю и злою дорогой, и ей предстоитъ сдѣлать выборъ и рѣшить, по какой изъ этихъ дорогъ направить свою дѣятельность. Эта, такъ называемая „формальная“ свобода воли, въ данномъ случаѣ заключается въ способности ея сознательно избрать одну изъ этихъ двухъ дорогъ. Затѣмъ, свобода воли можетъ находиться уже въ состояніи осуществленія, т. е., въ состояніи реальномъ. Воля можетъ осуществлять свою дѣятельность въ направленіи добромъ или зломъ, т. е., творить добро или зло.—Наконецъ, свобода воли можетъ достигнуть полного закрѣпленія своей дѣятельности въ добромъ или зломъ направленіи. Тогда воля становится или свободно—доброю или свободно—злою. По христіанскому ученію, въ закрѣпленномъ добромъ состояніи находится воля добрыхъ ангеловъ и святыхъ людей, а въ состояніи закрѣпленномъ зломъ—воля злыхъ ангеловъ и нераскаянныхъ грѣшниковъ, потерявшихъ способность къ доброй дѣятельности. — Въ дополненіе къ сказанному слѣдуетъ замѣтить, что есть еще такое состояніе свободы воли, когда она колеблется между двумя путями, добрымъ и злымъ, и твердо и окончательно не избрала себѣ пути. У очень многихъ людей воля находится, именно, въ этомъ колеблющемся состояніи.

Какое же состояніе свободы воли можно признать идеально хорошимъ? Идеально совершенной свобода воли бываетъ тогда, когда она выражается въ подчиненіи побужденій высшимъ, въ предпочтеніи добра злу. Если внимательно разсмотримъ мотивы и побужденія для дѣйствій воли, то можно замѣтить, что всѣ они раздѣляются на двѣ категоріи.

Существуютъ мотивы и побужденія, вытекающія изъ существенныхъ силъ и способностей человѣческаго существа. Они основаны на признаніи существованія Высшаго Добра и ведутъ къ приближенію къ Нему, а не къ удаленію отъ Него. Характеръ и свойства ихъ не временные, а вѣчные, ибо они могутъ вести наше „я“ къ развитію безконечному и благамъ вѣчнымъ, а не къ случайнымъ и кратковременнымъ. Такіе мотивы и побужденія слѣдуетъ признать высшими, ибо они, будучи сами по себѣ великими цѣнностями, могутъ побуждать волю отдѣльныхъ личностей и всего человѣчества къ истинному прогрессу. Таковы мотивы и побужденія, вытекающія изъ разума человѣка и изъ его высшихъ чувствованій,—истины, добра, красоты и Безконечнаго. Воля человѣка, дѣйствуя согласно съ ними, ведетъ человѣка къ безконечному превосходству надъ животными и другими неразумными тварями.

Но существуютъ мотивы и побужденія другого рода, которые вытекаютъ изъ временныхъ, или случайныхъ свойствъ и явленій въ человѣческомъ существѣ, наприкладъ,—въ его тѣлесной сторонѣ, или же въ стремленіяхъ воли удалиться отъ добра въ сторону зла. Они мѣшаютъ человѣку идти къ совершенству и не приводятъ его къ внутреннему удовлетворенію и счастью. Эти мотивы и побужденія слѣдуетъ признать низшими. Они иногда такъ овладѣваютъ волею человѣка, что она почти лишается возможности свободно выбрать направленіе своихъ дѣйствій.—Св. апостоль Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ (гл. 7, ст. 15) говоритъ: „Я не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю“. Эти слова относятся къ дѣйствіямъ воли по мотивамъ и побужденіямъ низшимъ, несознаваемымъ, или сознаваемымъ, и утверждаютъ, что такія дѣйствія воли противорѣчатъ ея должной свободѣ и заставляютъ чувствовать глубокую неудовлетворенность и рабство ея ненавистнымъ, низшимъ мотивамъ и побужденіямъ. Это же тяжелое и мучительное для нашего „я“ чувство подавленности испытываетъ въ большей или меньшей степени и всякій человѣкъ, дѣйствующій по мотивамъ низшимъ. Подобное состояніе человѣка зависитъ отъ первороднаго грѣха и развившагося подъ вліяніемъ этого грѣха ложнаго направленія воли человѣческой, отразившейся на жизни всего міра.

О послѣдствіяхъ грѣха для всей видимой природы намъ говорятъ: Быт. III гл. и посланія ап. Павла къ

Римлянамъ VIII гл. По изображеніямъ этихъ двухъ мѣстъ Слова Божія, проклятiе легло на землю за грѣхъ человѣка; земля лишилась плодородія (Быт. III, 17—18); вся тварь подверглась страданіямъ, воздыханіямъ и тлѣнію (Римл. VIII, 19—22); ранѣ пріятный трудъ человѣка сталъ изнурительнымъ (Быт. III, 17); явились болѣзни, въ міръ вошла смерть (Быт. III, 16—19), какъ страшное, но единственное средство для пресѣченія грѣха, который безъ нея развивался бы до безконечности (Іез. XVIII, 23),—вотъ слѣдствія грѣха, послѣ преступленія прародителей обнаружившіяся въ мірѣ.

Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ грѣха, простершимся на человѣческую природу и проявившимся въ исторіи, было утвержденіе въ человѣческой жизни богоборческаго, матеріалистическаго направленія, которое явилось, какъ результатъ забвенія человѣкомъ своего назначенія, своей связи съ Творцомъ, какъ плодъ извращенія Его воли. Въ зародышѣ оно отчасти сказалось въ грѣхопаденіи прародителей, когда они повѣрили дьявольской лжи, что мугутъ стать „яко бози“ (Быт. III, 4—6), а расцвѣло оно въ ближайшемъ ихъ потомствѣ, когда Ламехъ и его потомки овладѣніе природой обратили въ самодовлѣющую цѣль, въ средство самоуслажденія и, послѣ ряда удавшихся имъ изобрѣтеній (Быт. IV), горделиво вообразили, что человѣкъ всего можетъ достичь своими собственными силами, безъ Бога. У своего труда, который долженъ былъ быть благоговѣйнымъ продолженіемъ творческаго Божьяго дѣла и приводить человѣка къ возстановленію нарушеннаго грѣхомъ владычествованія надъ природой, еще допотопный человѣкъ отнялъ, такъ обр., религіозный смыслъ и отвергъ помощь Божію. Послѣпотопное человѣчество продолжало опытъ Ламеха и его потомства,—это ярко выразилось въ Вавилонскомъ столпотвореніи (Быт. XI гл.). Образовалось въ человѣческомъ родѣ матеріалистическое, богоборческое направленіе. Развившееся въ томъ и другомъ случаѣ нечестіе, какъ результатъ горделиваго отпаденія человѣка отъ Бога, добра въ себѣ самомъ и во всемъ мірѣ, закончилось сначала потопомъ, а потомъ расцвѣтіемъ. Но оно не умерло, пережило всю исторію, докатилось до нашихъ дней и въ наше, именно, время предстало во всемъ ужасающемъ расцвѣтѣ. Послѣдній его плодъ—атеизмъ нашего времени, объявившій Бога фикціей, а религію опиумомъ для народа, поставившій своею цѣлью: вытравить въ душахъ человѣческихъ всякую мысль о небесномъ назначеніи человѣка. Такъ какъ это направленіе захватываетъ самое главное въ человѣкѣ—его духъ, то, естественно, оно является самымъ опаснымъ изъ всѣхъ обнаруженій прародительскаго грѣха. Подобное состояніе человѣка зависитъ, большею частью, и отъ неправильнаго, односторонняго воспитанія его, отъ ненормальной жизни, отъ врожденныхъ

дурныхъ наклонностей, отъ постоянной побѣды соблазновъ надъ доброю волею человѣка и, вообще, — отъ испорченности души или отравленія ея грѣховностью. Полный просторъ, даваемый низменнымъ чувствамъ, входитъ въ привычку человѣка, вноситъ заразу въ его душевныя силы и способности, покоряетъ его волю и поражаетъ его умъ. Человѣкъ отъ дѣтства своего бываетъ удобопреклоненъ ко злу, вслѣдствіе глубокаго поврежденія своей природы наслѣдственнымъ грѣхомъ. Но людей нормальныхъ удерживаетъ отъ глубокаго нравственнаго паденія, называемаго душевною смертію, прирожденное душамъ ихъ чувство добра (совѣсть). Но когда человѣкъ, постоянно пренебрегая голосомъ совѣсти, усыпляетъ ее и доводитъ до молчанія, то старается найти какое-нибудь оправданіе своей злой жизни. Ему хочется, чтобы не было ни Бога, ни нравственнаго закона, ни возданія за злую жизнь и, къ услугамъ этой его злой воли, умъ его молчитъ, или старается найти какое-нибудь ложное оправданіе зла. Совѣсть заглушается діавольскимъ, злобнымъ чувствомъ къ Богу, къ представителямъ религіи и ко всему, что можетъ разбудить усыпленное чувство добра.

Всѣ эти явленія свидѣльствуютъ о глубоко болѣзненномъ состояніи души человѣка. Но сознательный и разумный человѣкъ долженъ проникаться рѣшимостью повернуть свою жизнь на путь, указанный въ христіанскомъ ученіи, т. е., на путь подготовки къ высшимъ, совершеннѣйшимъ и вѣчнымъ формамъ и условіямъ этой жизни.

Лучшимъ примѣромъ и наиболѣе яснымъ указаніемъ для обращенія грѣшника на путь праведности признается притча о блудномъ сынѣ. Въ ней наглядно, въ яркихъ символическихъ образахъ и послѣдовательно, какъ бы по ступенямъ, изображается сначала процессъ отпаденія и погруженія человѣка въ состояніе грѣха и гибели, и раскаяніе его, съ возвращеніемъ къ утраченному блаженству богообщенія.

I. Луки XV, 11—24 Измѣняя Отцу своему, какъ весь родъ человѣческой, начиная съ Адама, а равно и какъ каждый изъ насъ въ своей сознательной жизни, юнѣйшій, а потому еще неразумный, сынъ, получивъ свою долю имѣнія (дарованія, отъ Бога данныя, начиная съ душевныхъ) „иде на страну далече“, пренебрегши неоцѣненнымъ имъ блаженствомъ общенія съ Отцомъ своимъ.

Въ настоящее время въ жизни отдѣльныхъ людей эта измѣна Богу выражается обычно въ томъ, что человѣкъ перестаетъ вѣрить въ Бога, еще больше — думать о Немъ и бояться прогнѣвать Его, съ легкимъ сердцемъ начинаетъ относиться къ нарушенію закона Его. Въ особенности интеллигентный человѣкъ начинаетъ на все смотрѣть и о всемъ разсуждать слишкомъ „по свѣтски“, явно игнорируя „Закономъ Божиимъ“.

Эта страна далече, заманчивая издали, какъ страна безудержной свободы и полного произвола, оказалась для неразумнаго сына истинной страной Вавилонской.—„И онъ тамо расточи достояніе свое живый блудно“. Въ духовной жизни человѣка, какъ и въ матеріальной, есть также своя экономія; онъ тамъ тоже—наживаетъ или проживаетъ. И насколько всякая добродѣтель обогащаетъ всякаго человѣка и наращаетъ его духовныя силы, настолько грѣхъ всегда и необходимо растрчиваетъ, какъ бы разматываетъ ихъ. Недаромъ называются у насъ люди такого грѣха „прожигателями жизни“. Они таковы и есть на самомъ дѣлѣ,—во всѣхъ грѣхахъ, начиная съ блуднаго.

И вотъ, въ пору такого личнаго обнищанія захватываетъ этого несчастнаго блуднаго сына—голодь и онъ сталъ „лишаться“,—не только не имѣя куска хлѣба, но и дойдя до скотоподобнаго состоянія. „И пошелъ, присталъ къ одному изъ жителей страны той, а тотъ послалъ на поля свои пасти свиней (нужно вспомнить, что значило для слушавшихъ эту притчу евреевъ стать свинопасомъ, когда по закону Моисееву не только ѣсть, но и держать или коснуться ихъ значило—осквернить себя). И онъ радъ былъ наполнить чрево свое рожцами, которые ѣли свиньи, но никто не давалъ ему“.—Такъ бываетъ и съ несчастнымъ человѣкомъ, когда онъ совсѣмъ заброситъ Отца своего и святой законъ Его, когда до конца заблудился онъ во своей грѣховной и лживой жизни міра. Невыносимо страждетъ духъ его, испытывая голодь духовный. Тоскуя и ища выхода, бросается обычно на „рожцы“ онъ. Свинскими желудями: какими нибудь попойками и кутежами, картами и растлѣвающими всѣ силы донъ-жуанствомъ, вихремъ пустыхъ развлеченій пытается онъ заполнить образовавшуюся въ душѣ пустоту, заглушить острый голодь своего неудовлетвореннаго духа. Напрасно.—Все это лишь животная пища, и потому не перестаетъ голодать въ немъ и набитое рожцами его душевное чрево, а чаще „и того никто не дастъ ему“.

II. А, вѣдь, выходъ есть, и онъ такъ близокъ отъ каждаго изъ насъ: только заслонила его отъ нашихъ глазъ плотная стѣна чувственности и эгоизма, отдѣляетъ насъ отъ свѣтлаго Божьяго міра никогда не распаивающаяся предъ грѣшникомъ, нажитая его паденіями, непроницаемая завѣса. И этотъ горній, единственно родной для насъ, міръ не только ждетъ насъ, не только готовъ принять насъ въ себя: онъ самъ стремится къ намъ, зоветъ насъ, хочетъ привлечь насъ къ себѣ,—лишь бы сами мы прислушались къ его призыву, сами впустили въ свое сердце: „Се стою у дверей сердца и толку, да еще кто услышитъ гласъ Мой и отверзетъ дверь, вниду и вечеряю съ нимъ, и той со Мною (Апок. III, 20).

Такъ и съ блуднымъ сыномъ: въ своемъ лишеніи и

уже на краю гибели онъ услышалъ этотъ голосъ Божіей благодати, предваряющей всякое доброе дѣло каждаго изъ насъ, принялъ въ сердце этотъ призывъ, что заглушался бурей страстей въ пору его жизни распутной, и пришелъ въ себя. Какое это вѣрное и точное выраженіе! Вотъ до того времени жилъ онъ въ свое удовольствіе, исполняя всѣ свои прихоти—„злая похоти“ своего сердца, и конечно, только наслаждался сознаниемъ, что вотъ—де живетъ онъ „по своей волѣ“, а между тѣмъ, на дѣлѣ онъ былъ внѣ себя, онъ вышелъ изъ присущей ему богоподобной природы и ея вѣрнаго самочувствія. Теперь же наоборотъ, когда онъ опомнился, когда его духъ вырвался изъ темницы грѣха, онъ дѣйствительно пришелъ въ себя. И тогда, согласіемъ сердца на божественный призывъ онъ принимаетъ въ сознание эту мысль: „Сколько наемниковъ у моего отца избыточествуетъ хлѣбомъ, а я—сынъ Его—здѣсь отъ голода умираю“.

И отозвавшись на нее всѣмъ своимъ сердцемъ, онъ сразу рѣшаетъ порвать навсегда съ этой далекой, хоть и ставшей ему привычной, страной (эгоизма и страстей), и тутъ же говоритъ себѣ: „Встану я, пойду къ Отцу моему и скажу Ему: „Отче, согрѣшилъ я противъ Неба и предъ Тобою, и уже недостойнъ называться сыномъ Твоимъ: прими меня (хотя бы) въ число наемниковъ Твоихъ“.— И было это рѣшеніе его безповоротнo, ибо возненавидѣлъ онъ ту проклятую чужую страну, тотъ лукаво заманчивый, но губительный Вавилонскій плѣнъ; а скорбь объ Отчемъ домѣ, эта истинная тоска по родинѣ, съ такой отзывчивостью принятая имъ въ сердце свое, разгоралась въ немъ все больше и больше.

И онъ „всталъ и пошелъ къ Отцу своему“ весь проникнутый этимъ раскаяніемъ и смиреннымъ сознаниемъ своей, ничѣмъ неоправдываемой, вины, своего недостoинства... А тамъ—этого измѣнника, этого распутника и грязнаго сына, оказывается, только любили и ждали—и уже простили... „И когда онъ былъ еще далеко, увидѣлъ его отецъ его и сжалился, и побѣжавъ, бросился ему на шею и цѣловалъ его“.—И лишь только началъ сынъ эту исповѣдь раскаянія своего: „Отче, согрѣшилъ я противъ Неба и предъ Тобою, и уже недостoинъ называться сыномъ Твоимъ“, Отецъ не далъ ему и договорить, Отецъ все уже не только простилъ, но и забылъ, и босаго, въ рубищѣ, изголодавашагося свинопаса принимаетъ въ свой домъ. „Принесите лучшую одежду, сказалъ отецъ рабамъ, и одѣньте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленнаго теленка и заколите: станемъ ѣсть и веселиться: ибо этотъ сынъ мой былъ мертвъ и ожилъ, пропадалъ и нашелся“. Такъ и всегда: „на небесахъ больше бываетъ радости объ одномъ грѣшникѣ кающемся, нежели о девяносто девяти праведникахъ, не имѣющихъ нужды въ покаяніи“.

Такъ проходить въ человѣкѣ процессъ его послѣдовательнаго сначала—паденія, а затѣмъ—обращенія къ Богу. И тутъ и тамъ, какъ бы по ступенямъ, спускается и подымается онъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, всего сильнѣе звучить намъ въ притчѣ эта безконечно-утѣшительная мысль: „Только раскайся, только „приди въ себя“, сердцемъ отзовись на призывъ, что идетъ отъ пошедшей на крестъ и смерть за тебя пріявшей Божественной Любви. Ты будешь прощенъ, ты будешь возрожденъ, такъ что иною—не загрязненной станеть одежда души твоей. Съ безконечной лаской и любовью примуть тебя объятія Отца: и согрѣють тебя, и помогутъ тебѣ. Ибо не одинъ ты будешь жить и дѣйствовать тутъ—на всемъ этомъ пути обращенія твоего: отъ начала и до конца тебя усовершенить, „немошная уврачуеть и оскудѣвающая восполнить“ благодать Божія, которая всегда стремится къ тебѣ,—стремится съ такою силою и обильной полнотою, что одинъ изъ великихъ образцовъ покаянія, преп. Ефремъ Сиринъ, вынужденъ былъ сказать: ослаби ми волны благости Твоея, Господи...

Такимъ образомъ, анализъ притчи о блудномъ сынѣ приводитъ насъ къ одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ христіанскаго ученія—рѣшенію вопроса о взаимномъ отношеніи въ дѣлѣ спасенія человѣка между свободною, личною дѣятельностью человѣка, и содѣйствіемъ ему въ этомъ благодати Божественной.

Коренное положеніе для рѣшенія этого вопроса Самъ Господь далъ въ извѣстныхъ уже намъ словахъ: „Безъ Мене не можете творити ничесоже“, давши въ нихъ выводъ изъ притчи о Лозѣ виноградной. И, дѣйствительно, какъ на лозѣ каждая вѣточка только ею живетъ, только черезъ нее и отъ нея получаетъ свои соки,—такъ и въ спасающей насъ жизни христіанской; только во Христѣ—наша жизнь, только Имъ мы сильны, Имъ улущаемся, Имъ движемся по пути добра и совершенствованія. Потому то апостоль Павелъ и сказалъ о себѣ: „уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ“ (Гал. II. 20).

Свящ. І. Яцукъ.

Прославленіе Богоматери.

„И сказала Марія: величить душа Моя Господа, и возрадовался духъ Мой о Богѣ Спасителѣ Моемъ, что призрѣлъ Онъ на смиреніе рабы Своей, ибо отнынѣ будутъ ублажать Меня всѣ роды“ (Лук. 1, 46—48).

Прошли вѣка съ тѣхъ поръ, какъ были сказаны эти пророческія слова, и сбылись они во всей полнотѣ: нѣтъ ва свѣтѣ такого края, гдѣ бы не жили христіане, и вездѣ прославляется имя Дѣвы Богоматери. Въ честь Ея

поздвигаются многочисленные храмы и обители, подъ Ея покровительство отдаются страны и народы.

Наша Св. Церковь Православная въ своихъ пѣснопѣніяхъ усваиваетъ Богоматери множество названій, опредѣляющихъ Ея отношеніе къ человѣчеству, полныхъ глубокаго смысла и какой-то невыразимой красоты.

Припомнимъ нѣкоторыя изъ этихъ названій и постараемся уяснить себѣ ихъ значеніе.

Въ акаѳистѣ Божіей Матери Она называется Лѣствицей Небесной. Это названіе произошло отъ видѣнной ветхозавѣтнымъ патріархомъ Іаковомъ во снѣ таинственной лѣстницы. Она стояла на землѣ, касаясь вершиной небесъ, а Ангелы Божіи восходили и нисходили по ней. На верху ея былъ Самъ Господь, изрекшій Свои обѣтованія родоначальнику еврейскаго народа. Пробудившись отъ сна, Іаковъ въ благоговѣйномъ ужасѣ воскликнулъ: „Какъ страшно мѣсто сіе—это домъ Божій, это—врата небесныя“. Этимъ домомъ Божіимъ и этими вратами небесными и была Пречистая Приснодѣва, вмѣстившая въ Себя Невмѣстимаго небесами и соединившая въ Себѣ небо и землю. Поэтому, мы и взываемъ къ Ней: „Радуйся, Лѣстнице Небесная, Ею-же сниде Богъ; радуйся, Мосте, преводяй сущихъ отъ земли на небо“.

Божія Матерь называется Неопалимой Купиной. Это названіе объясняется слѣдующимъ образомъ. У горы Хорива Пророкъ Моисей видѣлъ чудесное явленіе: терновый кустъ (иначе купина), объятый сильнымъ пламенемъ, горѣлъ и не сгоралъ: листья и молодыя вѣтки на немъ оставались свѣжими и зелеными. И былъ изъ горящей купины голосъ Божій, призывавшій Моисея къ освобожденію израиля изъ неволи египетской. Это неопалимая купина была прообразомъ Пречистой Приснодѣвы, Которая приняла въ Себя огонь Божества, просіяла въ Своей жизни великими добродѣтелями и сохранила въ Своей жизни дѣвственную чистоту и въ рождествѣ и послѣ рожденія отъ Ней Бога Слова, Поэтому и взываетъ къ Ней Святая Церковь: „Радуйся. Престоле огненный Вседержителя; радуйся, Свѣтило незаходямаго Свѣта; радуйся, Неопалимая Купино“.

Царица Небесная именуется иногда столпомъ огненнымъ и покровомъ. Это наименованіе имѣетъ свое основаніе въ исторіи народа Божьяго. Когда израильтяне вышли изъ Египта, то передъ ними шель облачный столпъ, который ночью становился огненнымъ и освѣщаль имъ путь. Это Самъ Богъ шель передъ Своимъ народомъ. Когда же египтяне погнались за евреями, чтобы возвратитъ ихъ въ рабство, то столпъ заслонилъ израильтянъ отъ враговъ, а на египтянъ навелъ мракъ. Вотъ, этотъ столпъ и былъ прообразомъ Пресвятой Дѣвы Богоматери, Которая

покрываетъ вѣрныхъ Своимъ покровомъ и спасаетъ ихъ отъ враговъ, а враговъ Христа поражаетъ. Посему мы и зываемъ къ Ней: „Радуйся, огненный Столпе, наставляяй сущія во тьмѣ; радуйся, Покрове міру, ширшій облака“.

Въ своихъ молитвенныхъ воззваніяхъ къ Божіей Матери Церковь иногда называетъ Ее розгою, т. е., вѣткою отрасли неувядаемой. Это названіе напоминаетъ одно событіе изъ религіозной жизни евреевъ. Нужно было дать евреямъ доказательство, что Первосвященникъ Ааронъ избранъ на эту должность Самимъ Богомъ, и совершилось чудо: сухая трость его, положенная въ скиніи свидѣнія, проросла, дала зеленые листья, цвѣты и плоды. И здѣсь прообразъ Богоматери: не зная мужа, Она рождаетъ Сына. Посему, вѣрующіе обращаются къ Ней со словами: „Радуйся, отрасли неувядаемыя Розго; радуйся, плода безсмертнаго стяжаніе“.

Очень часто Богоматерь именуется Невѣстой Невѣстной, т. е., не имѣвшей жениха. Это значить, что Богоматерь была Приснодѣва, т. е., до рождества и по рождествѣ Спасителя пребывала и пребываетъ Дѣвою. Благговѣя передъ великою тайною Приснодѣвства Богоматери, мы зываемъ къ Преблагословенной Богородицѣ: „Радуйся, совѣта неизреченнаго Таиннице; радуйся, Невѣсто Невѣстная“.

Нерѣдко, также встрѣчается въ акаѣстахъ названіе Божіей Матери Звѣздою незаходимою, являющею Солнце. До пришествія на землю Христа, въ теченіе, болѣе чѣмъ 5.000 лѣтъ, языческій міръ блуждалъ во тьмѣ нечестія и напоминалъ собою потерявшаго дорогу и заблуждшагося среди полей путника. Небо заволокло тучами, густой туманъ окуталъ землю и покрылъ ее непроницаемымъ мракомъ. Холодный вѣтеръ съ дождемъ пронизываетъ чловѣка насквозь и леденить въ немъ кровь. Въ безсиліи падаетъ путникъ на землю и уже начинаетъ терять надежду на свое спасеніе: „Господи, скоро ли разсвѣтъ?“ Но вотъ, утихаетъ вѣтеръ, перестаетъ дождь, тучи разступаются, и на яснѣющемъ небѣ загорается утренняя звѣзда-предвѣстница близкаго восхода солнца. „Слава, Тебѣ, Господи“,— говоритъ радостно путникъ: „теперь я знаю, куда мнѣ идти“. Такимъ же радостнымъ и спасительнымъ для всего чловѣчества событіемъ было рожденіе въ мірѣ Богоматери-Предвѣстницы близкаго явленія во плоти Солнца Правды, Христа Бога нашего.

Безчисленны и разнообразны благодѣянія, оказанныя Царицей Небесной роду христіанскому, а потому, многочисленны и данныя Ей наименованія, вылившіяся изъ благодарныхъ сердецъ христіанскихъ.

Прот. Н. Никитюковъ.

Цѣна времени.

Мы не умѣемъ распоряжаться временемъ. Кто-то прекрасно сказалъ: „Еще не родился человекъ, который дорожилъ бы, какъ слѣдуетъ, каждымъ часомъ своей жизни“. Мы легкомысленно, какъ неопытный юноша, тратимъ золотое время, полагая, что въ будущемъ его еще неистощимый запасъ, что нашему богатству въ этомъ отношеніи нѣтъ конца. Мы на начало и на конецъ жизни смотримъ обыкновенно словно въ зрительную трубу, которая съ одной стороны увеличиваетъ и приближаетъ предметы, съ другой—уменьшаетъ и отдаляетъ. Когда мы оглядываемся на начало жизни, оно намъ кажется близкимъ; когда на конецъ, онъ намъ представляется страшно далекимъ. По словамъ же псалма: „Число дней нашихъ семьдесятъ“. Для большинства жизней, это—очень щедрая оцѣнка. Многие изъ насъ умираютъ, не доживъ и до пятидесяти лѣтъ. Но предположимъ, что всѣ мы доживемъ до семидесяти лѣтъ. Въ такомъ случаѣ 20-лѣтнимъ остается жить 18.250 дней, 25 лѣтнимъ—16.425, 30-лѣтнимъ—14.600, 35-лѣтнимъ—12.775 и 40 лѣтнимъ—10.950 дней. Это весь нашъ запасъ времени, нашъ жизненный капиталъ, который, однако, не приноситъ процентовъ, съ годами не нарастаетъ, а уменьшается съ каждымъ днемъ и часомъ. Мы проживаемъ самый капиталъ. Значительная часть его при этомъ идетъ еще на уплату долговъ: треть отнимаетъ сонъ, не мало беретъ болѣзнь.

Если бы у насъ было 16 тысячъ рублей, мы могли бы считать это хорошимъ капиталомъ; но если къ этимъ деньгамъ ничего нельзя прибавить, а приходится только проживать запасъ, да еще добрую половину отдать на уплату долговъ, то придется бережно обращаться съ остающеюся половиной. Точно также необходимо бережно хранить время. Мудрый Сенека сказалъ: „Быть скупымъ относительно времени—добродѣтель“. Нѣтъ клада драгоценнѣе времени, нѣтъ растраты вреднѣе. Про бесплодную трату времени справедливо было бы печатать такое объявленіе: „Потерины между восходомъ и закатомъ солнца нѣсколько золотыхъ часовъ, каждый изъ нихъ украшенъ 60 брилліантовыми минутами“, при чемъ, къ сожалѣнію, всѣ поиски были бы напрасны, такъ какъ эта потеря безъ возврата.

Все можно вернуть, только не время. Можно нажить вновь потерянное богатство, умѣлымъ лѣченьемъ восстановить пошатнувшееся здоровье, вернуть утраченную дружбу, возможно даже снова заслужить опороченное, было, доброе имя, — время же вернуть никакъ нельзя. Съ каждою минутою нить жизни становится короче и короче. Сегодняшній день, только что окончившійся съ

закатомъ солнца, никогда ужь не вернется. Вновь будетъ восходить и заходить солнце, но это будутъ уже новые дни; минувшій — невознаградимая потеря въ нашемъ жизненномъ капиталѣ. Впрочемъ, есть средство продолжить нашу жизнь.

Приходилось ли вамъ когда-нибудь, стоя на берегу, смотрѣть въ водную даль? Водное пространство тянется на 15—20 верстъ, а вамъ кажется, будто тутъ не болѣе 2—3 верстъ разстоянія; но вотъ показываются лодки, корабли, пароходы — одинъ, другой, третій. Одинъ въ верстѣ отъ берега, другой — въ трехъ, третій — въ 6—8, четвертый — въ 10, пятый — въ 15. Теперь вы замѣчаете, что водная даль словно отошла отъ васъ. Чѣмъ больше судовъ на поверхности, тѣмъ яснѣе вы видите ея отдаленность. Такъ и время. Жизнь, полная труда и важныхъ событій, кажется длиннѣе, чѣмъ жизнь унылая, однообразная. Въ бездѣльѣ отдѣльные часы кажутся длинными, тянутся безъ конца; но вся жизнь такая, когда оглянешься на нее, коротка какъ даль, задернутая сѣрымъ туманомъ. Нечего вспоминать. Кипучая же дѣятельность, производительность работы ставитъ на видъ, дѣлаетъ замѣтнымъ каждый день и число ихъ отъ этого какъ бы вырастаетъ.

Когда припоминаешь, что сдѣлалъ на землѣ Господь Иисусъ за три года Своей проповѣди, кажется, что Его дѣятельность продолжалась десятки лѣтъ. Жизнь апостола народовъ, св. Павла, обошедшаго съ проповѣдью чуть не половину тогдашняго міра, представляется длиннѣе жизни Маеусаила*). 50 лѣтъ жизни Петра Великаго могли бы заполнить десять жизней другихъ государей. Жизнь, въ которой всякій день и часъ занятъ трудомъ, кажется очень долгою, когда мы голядываемся на нее. Дѣятельный работникъ жизни, окидывая взоромъ прошлое, можетъ сказать:

„Такъ мало прожито,
Такъ много пережито“.

Если же время—сокровище, необходимо учиться беречь его. Правила храненія времени тѣ же, что и для храненія денегъ. Надо беречь время отъ воровъ. У насъ много времени крадется. Часть времени каждодневно очень часто похищаетъ сонъ. Семь—восемь часовъ сна это нашъ долгъ усталому тѣлу; эти часы необходимы. Но какъ часто люди спятъ болѣе 9—10 даже 12 часовъ въ сутки. Лишніе часы сонъ крадетъ у насъ.

Другой нашъ грабитель—лѣнность, „Дѣло не медвѣдь,—говоримъ мы:—въ лѣсъ не убѣжить“. Дѣло-то, конечно, не убѣжить. Не сдѣланное оно будетъ стоять или лежать хоть сотню лѣтъ, но время?... Оно вѣдь убѣжить, и его

*) Маеусаиль, жившій до всемірнаго потопа, прожилъ на землѣ 960 лѣтъ (Быт, 5, 27).

ужь никакими силами не остановишь и назадъ не вернеш. Никогда не откладывай на завтра, что надо сдѣлать сегодня; инапослѣ объѣда, что слѣдуетъ сдѣлать до объѣда. „Завтра“ „послѣ объѣда“ имѣють свое дѣло, свои занятія, свои обязанности.

Никогда не оставайся безъ дѣла. Какъ досадно бываетъ, когда надъ изнуренною отъ зноя стороною проносятся громадная туча, не проронивъ ни капли дождя и обрушившись ливнемъ въ море! Поля и нивы томятся въ засухѣ, ждуть благодѣтельной влаги, а туча проходитъ мимо и дорогія струи падаютъ напрасно въ воду. То же самое досадно бываетъ видѣть бездѣльничающаго человѣка. Столько надо умѣлыхъ и бодрыхъ работниковъ, а люди бездѣльничаютъ и сами изнываютъ отъ скуки, отъ празднаго бездѣлья. Подумайте только, если бы всѣ люди дѣлали что-нибудь доброе, разумное, общепольное,—развѣ жизнь могла бы быть такъ плоха, какъ она есть въ настоящемъ видѣ? Сколько людскихъ силъ, способностей, ума, сколько добрыхъ чувствъ и порывовъ пропадаетъ напрасно! Громадныя тучи проносятся мимо, а земля изнемогаетъ отъ жажды.

Я думаю, что самое жалкое зрѣлище въ этомъ мѣрѣ это—человѣкъ, которому нечего дѣлать. Какъ нечего дѣлать? Столько кругомъ всякой работы. Не умѣете работать? Учитесь: читайте, думайте, размышляйте, вникайте въ жизнь. Подготовка къ работѣ—та же работа. Берегите сокровище—время—отъ воровъ: отъ лѣности, бездѣльничанья, долгаго сна.

Второе правило храненія—не тратить, не мотать самому. Мы ужасно мотаемъ время. Самое обычное,—мы не дорожимъ остатками, крохами времени, какъ не дорожимъ отдѣльными копейками. Крупную монету мы бережемъ. Мы часто говоримъ: „Я не хочу мѣнять большую бумажку: размѣняешь, разойдется по мелочамъ“. Мелочь же мы тратимъ съ легкимъ сердцемъ, какъ будто это не тѣ же деньги.

Во время моей поѣздки за границу мнѣ приходилось нѣсколько разъ переѣзжать изъ одного иностраннаго государства въ другое. При отъѣздѣ въ новую страну надо было мѣнять деньги на монеты слѣдующей страны. Въ кошелекѣ всегда оставалось нѣсколько серебряной мелочи изъ покидаемой страны. Думалось, стоитъ ли возиться изъ-за нѣсколькихъ четвертаковъ, полтинниковъ,—ходить въ мѣняльную лавку, беспокоить людей изъ-за пустяковъ. Дѣло обыкновенно оканчивалось тѣмъ, что мелочь, за ненадобностью, отдавалась прислугѣ гостинницъ. На обратномъ пути домой попалась нужная рѣдкая книга; стоила дорого, болѣе 20 рублей. Послѣ всѣхъ дорожныхъ расходовъ было не по карману. Подсчиталъ всѣ записанные

расходы и тогда оказалось, что на границѣ разныхъ государствъ я по мелочамъ роздалъ зря какъ разъ нужные 20 рублей. Тогда по четвертакамъ деньги казались не великими, а теперь въ общемъ онѣ бы очень пригодились. То же и съ временемъ. Смотрите на каждую свободную четверть часа—какъ на свободный четвертакъ или полтинникъ; не бросайте его безъ нужды. Эти, какъ будто ненужныя, минуты могутъ очень и очень пригодиться. Одинъ занятой ученый врачъ написалъ нѣсколько ученыхъ книгъ карандашомъ на лоскуткахъ бумаги во время своихъ разъѣздовъ въ каретѣ по больнымъ. Послѣ насыщенія 5 тысячъ голодныхъ, Спаситель сказалъ: „Соберите оставшіеся куски, чтобы ничего не пропадало“. (Іоан. 6, 12).

Другой видъ расточительности состоитъ въ томъ, что мы платимъ за дешевую вещь дорогую цѣну. Вещь стоитъ рубль, мы платимъ 5 и 10. На иное дѣло слѣдовало бы потратить времени много-много 2—3 часа въ недѣлю,—мы тратимъ цѣлые дни. Возьмите наши удовольствія, потѣхи, развлеченія. Сколько на нихъ уходитъ времени! Никто, конечно, не скажетъ, что всякія удовольствія и всегда не нужны. Добрыя, разумныя развлеченія, пріятная бесѣда съ друзьями, прогулка—полезны: они то же, что приправа къ ѣдѣ; но вѣдь нельзя же весь обѣдъ готовить изъ однѣхъ приправъ, нельзя всегда питаться сладкими блюдами, нельзя значительную часть времени отдавать на развлеченія. Дѣлу—время, а потѣхѣ—часъ.

Въ одномъ только случаѣ мы никогда не должны скупиться на время, это—въ дѣланіи добра, въ устроеніи Царства Божія въ своей душѣ. Никто ни имѣетъ права говорить, что онъ достаточно поработалъ уже на этомъ пути. Тутъ для насъ лучшимъ урокомъ могутъ служить слова поэта, который говоритъ:

О, мой Господь, моя надежда,
Моя и сила и покровъ!
Тебѣ хочу я всѣ мышленья,
Тебѣ всѣхъ пѣсенъ благодать,
И думы дня, и ночи бдѣнья,
И сердца каждое бѣенье,
И душу всю мою отдать!

Намъ Господь поручилъ великое дѣло. Послалъ насъ въ міръ, далъ намъ жизнь, способности, силы, чтобы мы устроили Царство Его. Дѣло Божіе стоитъ, а время идетъ и уходитъ безъ возврата. „Смотрите, поступайте осторожно, но не какъ неразумные, но какъ мудрые, дорожа временемъ, потому что дни лукавы“ (Ефес. 5, 15—16).

Г. Петровъ.

Апологетическія замѣтки*).

IV. Религія и наука.

Въ послѣднее время наука достигла небывалыхъ успѣховъ въ своемъ развитіи. Человѣкъ научился летать по воздуху подобно птицѣ, плавать по водамъ подобно рыбѣ. Телеграфъ, телефонъ, телескопъ и радіо уничтожили пространство. Медицина подробно изучила ходъ и развитіе почти всѣхъ болѣзней. Хирурги совершаютъ прямо поразительныя операціи. Техника экономитъ человѣческой трудъ; но, несмотря на огромные успѣхи знанія природы, еще очень много остается неизслѣдованнаго. Наша земля—только песчинка въ мірѣ, но и здѣсь многое неизслѣдовано. Что же мы знаемъ про всю вселенную? Справедливо одинъ философъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ словами: „я знаю то, что ничего не знаю“.

Откуда произошелъ міръ? Откуда взялась жизнь? Наука не можетъ дать точный и опредѣленный научный отвѣтъ. Наука можетъ объяснить только, какъ міръ развивался, по какимъ законамъ, но здѣсь же и кончается область науки. И, если матеріалисты говорятъ, что міръ вѣченъ и жизнь всегда была или выдвигаютъ гипотезы произвольнаго зарожденія жизни и трансформациі видовъ, то это—только предположенія, на сторонѣ которыхъ нѣтъ ни одного научнаго доказательства, которыя могутъ быть приняты только на вѣру. Такимъ образомъ, наука сама основывается на вѣрѣ. Основныя положенія наукъ также принимаются на вѣру, какъ и основныя положенія религіи. И, если говорятъ, что наука зажгла маякъ, передъ яркимъ блескомъ котораго свѣтъ религіи долженъ погаснуть окончательно, то на это черезчуръ смѣлое и дерзновенное утвержденіе только можно отвѣтить словами: „не все то золото, что блеститъ“. Въ 19 столѣтіи, говоритъ французскій академикъ Эмиль Бутру, волна матеріализма была готова смести прочь остатки религіозной вѣры, но, когда началось изслѣдованіе результатовъ науки, возникло разочарованіе. Правда,

Науки юношей питаютъ,
Отраду старцамъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ,

но каждая наука изслѣдуетъ только какой нибудь отдѣльный уголокъ дѣйствительности и не даетъ знанія цѣлостнаго, универсальнаго, въ каждой наукѣ есть вопросы, которые не рѣшаются и не могутъ быть правильно рѣшены въ предѣлахъ спеціальныхъ наукъ и при помощи эмпири-

*). См. № 1—1940 г. журн. „Вѣра и Жизнь“.

ческаго метода. „Есть вопросы, пишетъ Н. И. Пироговъ въ которыхъ такое надежное средство, какъ опытъ, оказывается безсильнымъ“. Возьмемъ естествознаніе. Кажется, — самая точная эмпирическая наука, а между тѣмъ сколько здѣсь нерѣшенныхъ вопросовъ. Оказывается, естествознаніе изслѣдуетъ предметы и явленія природы, но оставляетъ въ сторонѣ, предполагая, какъ нѣчто само собою понятное и извѣстное, самыя основныя условія бытія природы: пространство и время и самое основное условіе познанія природы: увѣренность въ реальномъ существованіи внѣшняго міра и въ достовѣрности показаній о немъ нашихъ чувствъ.

Точно также естествознаніе оставляетъ нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, что такое матерія сама по себѣ? Самый атомизмъ, въ которомъ нѣкоторые видятъ ученіе естествознанія о матеріи, есть не эмпирическая, а философская теорія, потому что атомы не составляютъ предметъ эмпирическаго наблюденія.

Далѣе, для объясненія явленій природы, естествознаніе предполагаетъ понятіе силы, которую отличаетъ отъ матеріи. Но что такое сила природы? Какое отношеніе ея къ матеріи? Отъ чего происходитъ разнообразіе силъ? Рѣшеніе этихъ вопросовъ выходитъ за предѣлы эмпирическаго знанія, такъ какъ опытъ показываетъ намъ только обнаруженіе той или другой силы въ явленіяхъ природы, но не даетъ понятія о силѣ, какъ таковой.

Каждая сила природы дѣйствуетъ по опредѣленному закону. Но что такое самый законъ природы? Могутъ ли законы природы быть выведены изъ понятій матеріи и силы, или предполагаютъ высшую причину, установившую извѣстный способъ дѣйствія силъ въ матеріи? Отвѣта на эти вопросы не можетъ дать эмпирическое знаніе спеціальныхъ законовъ природы.

Изученіемъ настоящаго состоянія природы не ограничивается задача естествознанія. Природа представляетъ намъ процессъ законосообразнаго развитія, начало и конецъ котораго скрываются въ недоступномъ для эмпирическаго познанія прошедшемъ и будущемъ. Отсюда для нашего ума естественно возникаютъ вопросы о происхожденіи и концѣ, о цѣли существованія предметовъ и явленій природы. Естествознаніе намъ говоритъ, конечно, о происхожденіи тѣхъ или иныхъ существъ и предметовъ природы; оно позволяетъ себѣ говорить иногда и о цѣли ихъ существованія. Но его указанія имѣютъ полное значеніе только при объясненіи сравнительно ближайшихъ причинъ и слѣдствій явленій природы; чѣмъ далѣе цѣпь этихъ причинъ и слѣдствій удаляется въ недоступное опыту прошедшее и будущее, тѣмъ болѣе становятся недостаточными эмпирическія данныя для изясненія начала и конца вещей, тѣмъ болѣе и болѣе оно должно прибѣгать къ предположеніямъ;

таковъ, напр., вопросъ о происхожденіи органической жизни на землѣ. Еще болѣе оказывается недостаточнымъ естествознаніе, когда отъ объясненія происхожденія частныхъ предметовъ и явленій природы переходитъ къ вопросу о происхожденіи всего міра и цѣли его существованія. Притомъ, въ самыхъ смѣлыхъ своихъ гипотезахъ, оно пытается только рѣшить вопросъ: какъ образовался міръ при предположеніи существованія данныхъ условій его бытія, напр. пространства, времени, матеріи и нынѣ дѣйствующихъ силъ и законовъ природы. Но откуда первоначально произошли самыя эти условія? Почему отъ сочетанія ихъ произошелъ такой, а не другой порядокъ вещей? Какой внутренній законъ и цѣль этого порядка? На эти вопросы опытъ не можетъ дать отвѣта,—уже потому одному, что самыя эти условія и предположенія, какъ мы видѣли, выходятъ изъ предѣловъ опыта.

Вопросовъ, не рѣшаемыхъ однимъ естествознаніемъ много и другихъ.

Правда, наука во многихъ случаяхъ увѣнчалась удивительными успѣхами, но это не значитъ, что наука можетъ все объяснить. Мало этого. Слѣдуетъ обратить вниманіе, съ какими затрудненіями, съ какимъ отсутствіемъ единогласныхъ признаній между учеными устанавливаются научныя положенія. Астрономія, напримѣръ, не можетъ дать опредѣленныхъ понятій о солнцѣ. Бюфонъ высчиталъ, что температура солнца понизится до такой степени, что жизнь на землѣ станетъ невозможной — черезъ 96.000 лѣтъ, а Леверье — черезъ 35 милліоновъ лѣтъ. Все погибнетъ на землѣ отъ холода. Въ разрѣзъ съ ними, по мнѣнію Сея, высшее напряженіе солнечныхъ лучей наступитъ только черезъ 800.000 лѣтъ и все погибнетъ отъ жары. По мнѣнію нѣкоторыхъ солнечныхъ пятна являются показателями повышенія солнечной температуры. — Далѣе, одни ученые опредѣляютъ возрастъ земли въ 30.000 лѣтъ, другіе въ 150.000 лѣтъ. Кому же вѣрить? Ларрусъ опредѣляетъ эфиръ, какъ невѣсомую жидкость, а Менделѣевъ говоритъ, что нельзя отрицать его вѣсомости. Одни геологи предполагаютъ, что ядро земли находится въ расплавленномъ состояніи, другіе—въ твердомъ и плотномъ состояніи. Несмотря на доказанную Пастеромъ и Тиндалемъ несостоятельность гипотезы произвольнаго зарожденія, она и сейчасъ упрямо защищается матеріалистами, потому что съ отказомъ отъ этой гипотезы должно рухнуть все матеріалистическое міровоззрѣніе. Не зная начала жизни, наука не знаетъ и конца жизни. Томсонъ пророчитъ удушеніе отъ исчезновенія кислорода, Круксъ—всесвѣтнй голодъ. Одинъ говоритъ, что жизнь погибнетъ отъ холода, другой — отъ жары. „Наука, пишетъ нѣмецкій профессоръ А. Гарнакъ—дивная вещь. Жалокъ тотъ, кто пренебрежительно относится къ ней или притупляетъ въ себѣ интересъ къ

познанію. Однако на вопросы, откуда, какъ и зачѣмъ, она и въ наше время также не въ состояніи отвѣтить, какъ и 2—3 тысячи лѣтъ тому назадъ“. „Религія же, пишетъ французскій академикъ Эмиль Бутру въ соч. „Религія и наука“ — въ совершенствѣ показываетъ намъ начало и конецъ бытія“. Лейбницъ пишетъ: „Богъ есть источникъ бытія и жизни“. Пастеръ пишетъ: „если бы я сдѣлался еще ученѣе, то моя вѣра стала бы также глубока и пламенная, какъ вѣра простой бретонской женщины“.

Можно ли послѣ этого, отъ имени науки отвергать религіозную вѣру? Можно ли говорить, что вѣра въ Бога неразумна, что религія отжила свое время, должна исчезнуть, что наука должна замѣнить собою религію, если наука сама основывается на вѣрѣ, на предположеніяхъ, на гипотезахъ и въ поискахъ правды замѣняетъ одно предположеніе другимъ, не имѣя возможности обойтись безъ какой бы то ни было научной вѣры?

Можно-ли отвергать религіозную вѣру, если почти всѣ самые знаменитые ученые всѣхъ временъ не отвергаютъ религіозную вѣру, а являются очень религіозными людьми и приходятъ къ заключенію, что разъ существуетъ этотъ премудро устроенный міръ, то существуетъ и Тотъ, Кто его создалъ, Кого мы называемъ Богомъ, и утвержденіе, что ученые въ Бога не вѣрують, есть ложное утвержденіе. Религія и наука — родныя сестры, ведущія чело-вѣка къ Богу (Табрумъ. Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ. Стр. 27.) и только мало науки ведетъ чело-вѣка въ сторону отъ Бога — по словамъ Бэкона Веруламскаго. Знаменитый фізіологъ нашего времени И. П. Павловъ, въ 1938 г. скончавшійся, въ послѣдніе годы своей жизни любилъ посѣщать одну старинную церковь на окраинѣ Москвы. Рассказываютъ, что однажды онъ сидѣлъ около церкви на скамеечкѣ и ждалъ начала церковнаго Богослуженія. Къ нему подошелъ молодой безбожникъ со словами: „что, старина, все въ церковь ходишь?“ „Хожу“ — былъ короткій отвѣтъ на вопросъ. „Эхъ, темнота, темнота!“ — процѣдилъ сквозь зубы молодой чело-вѣкъ, ничуть не подозревая, что передъ нимъ сидѣлъ величайшій ученый съ міровой извѣстностью. Справедливо сказано у Бэкона Веруламскаго, что много науки ведетъ чело-вѣка къ Богу, а мало науки — въ сторону отъ Бога. У Кеплера, законы котораго образуютъ основу нашей астрономіи, мы читаемъ: „Благодарю Тебя, Творецъ и Владыка, что ты сподобилъ меня радости восхищаться дѣлами рукъ Твоихъ. Я возвѣщала людямъ славу Твоихъ дѣлъ, поскольку мой конечный духъ могъ постигнуть Твою безконечность. Гдѣ я сказала что-либо недостойное Тебя, или выражающее желаніе собственнаго прославленія, въ томъ милостиво прости меня!“ Амперъ, создавшій науку объ электричествѣ, писалъ своему другу, молодому уче-

ному: „Берегись заниматься одной только наукой; одной рукой изслѣдуй природу, а другой, какъ ребенокъ за одежду отца, держись за край ризы Божіей“. Н. И. Пироговъ въ „Вопросахъ жизни“ пишетъ: „Все органическое въ природѣ тѣмъ и поразительно для насъ, что всѣ механическіе и химическіе процессы приспособлены къ извѣстнымъ цѣлямъ бытія... И человѣческій умъ по необходимости долженъ принять безпредѣльный и вѣчный разумъ, управляющій океаномъ жизни“. „Гдѣ первоначальный источникъ этой осмысленности въ мірѣ? — спрашивали Эдиссона. „Въ Богѣ — отвѣчалъ изобрѣтатель нашего времени. (Бесѣды съ Эдиссономъ Д. П. Лотропа). По словамъ Бэкона Веруламскаго „задача настоящей науки и философіи должна состоять въ томъ, чтобы человѣчество дошло до совершеннѣйшаго пониманія Творца и что лучшимъ средствомъ для этого, послѣ Священнаго Писанія, служить опытное изученіе міра“.

Говорятъ, что религіозное знаніе противорѣчитъ научному знанію, религія противорѣчитъ наукѣ. Но какой? Химіи? Медицинѣ? Нѣтъ. Исторіи? Географіи? Но исторія доказываетъ всеобщность религіи во времени, географія — въ пространствѣ. Философскія, богословскія, юридическія, социальныя, психологическія и другія науки доказываютъ разумность, необходимость и спасительность религіи для людей.

Религія не можетъ противорѣчить наукѣ, потому что у религіи своя область и задача, у науки — своя. Наука вѣдаетъ міръ матеріальный, религія — духовный. Правда, и религія и наука имѣютъ дѣло съ міромъ и человѣкомъ, но съ двухъ различныхъ сторонъ освѣщаютъ вопросъ. Наука опредѣляетъ законы природы, открываетъ и подчиняетъ человѣку новыя силы природы, даетъ человѣку громадную власть надъ природою. Но здѣсь и кончается область науки и начинается область религіи, которая освѣщаетъ вопросы, выходящіе за предѣлы научной досягаемости, которая опредѣляетъ, въ какія отношенія человѣкъ долженъ стать къ міру и къ Тому, Кто выше міра. „Наука, говоритъ нѣмецкій профессоръ А. Гарнакъ, не въ состояніи дать смысла жизни“. Только религія разрѣшаетъ человѣку „тайну отъ вѣка,

Въ чемъ состоитъ существо человѣка,
Кто онъ такое, куда онъ идетъ,
Кто тамъ вверху надъ звѣздами живетъ“.

А при такомъ пониманіи задачъ религіи и науки и разграниченіи сферъ ихъ дѣятельности, не можетъ быть и рѣчи о томъ, что религія противорѣчитъ наукѣ. И можно показать въ дальнѣйшихъ апологическихъ замѣткахъ, что всѣ выдвигаемая наукою, вѣрнѣе лженаукою, противорѣчія,

возраженія противъ религіи или только кажущіяся, или несущественныя, или временныя.

Религія не противорѣчитъ наукѣ, а только восполняетъ науку, является свѣтильникомъ для науки. „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“. Религія даетъ знаніе о вещахъ, которыя лежатъ внѣ предѣловъ научнаго изслѣдованія, разрѣшаетъ человѣку безспорно, отъ имени Самого Господа Бога, черезъ Божественное откровеніе „тайну отъ вѣка, въ чемъ состоитъ существо человѣка, кто онъ такое, куда онъ идетъ, кто тамъ вверху надъ звѣздами живетъ“. Человѣку никуда не уйти отъ этихъ вѣчныхъ вопросовъ жизни человѣческой, которые настойчиво требуютъ отвѣта. Жить „безъ догмата“ человѣкъ не можетъ. „Я жить хочу, но такъ, чтобъ въ каждомъ днѣ, и часѣ, и мгновеньи таился бы вѣчный смыслъ, дающій право жить“ — восклицаетъ юноша въ извѣстномъ стихотвореніи Гейне. „Тайна жизни не въ томъ, чтобы жить, а въ томъ, чтобы знать, для чего жить“ говоритъ Э. М. Достоевскій. Н. И. Пироговъ пишетъ: „есть вещи на свѣтѣ, къ которымъ и такое надежное средство, какъ опытъ, непримѣнимо, а между тѣмъ эти вещи—это вопросы жизни, безъ разрѣшенія которыхъ для себя, хотя бы приблизительно, умирать не хочется“. Вотъ у А. Чехова въ „палатѣ № 6“ выведенъ врачъ атеистъ, который безъ вѣры въ Бога мучается сознаніемъ бессмысленности своего существованія и спрашиваетъ: „Зачѣмъ мозговые центры и извилины, зачѣмъ зрѣніе у человѣка, рѣчь, самочувствіе, гений, если всему этому суждено уйти въ почву, какъ говоритъ наука, и, въ концѣ концовъ, охладѣтъ вмѣстѣ съ землею корою, а потомъ миллионы лѣтъ безъ смысла и цѣли носиться съ землею вокругъ солнца?—Для того чтобы охладѣтъ и потомъ носиться, совсѣмъ не нужно, извлекать изъ небытія человѣка съ его высокимъ, почти божескимъ, умомъ и потомъ, словно въ насмѣшку, превращать его въ глину.

„Обмѣнъ вещества! Но какая трусость утѣшать себя этимъ суррогатомъ безсмертія! Безсознательные процессы, происходящіе въ природѣ, ниже даже человѣческой глупости, такъ какъ въ глупости есть все таки сознаніе и воля, въ процессахъ же ровно ничего. Только трусь, у котораго больше страха предъ смертью, чѣмъ достоинства, можетъ утѣшать себя тѣмъ, что тѣло его будетъ со временемъ жить въ травѣ, камнѣ, жабѣ... Видѣть свое безсмертіе въ обмѣнѣ вещества такъ же странно, какъ пророчить блестящую будущность футляру послѣ того, какъ разбилась и стала негодною дорогая скрипка.

А затѣмъ, если смерть окончательный итогъ жизни,—чѣмъ жить до той роковой минуты, когда твой трупъ опустятъ въ могилу? Что дѣлать съ вопросами вѣчности, съ порывами къ идеальному, съ муками нравственныхъ

противорѣчій? Въ чемъ же тогда оправданіе жизни человека? Во имя чего тогда стоитъ жить и стоитъ-ли жить?

И все это вопросы для научнаго только разрѣшенія непосильные, потому что выходятъ за черту научной досягаемости. Положительная наука работаетъ вдали отъ этихъ вопросовъ. Оставшись съ одними только колбами и ретортами, этихъ вопросовъ не рѣшить. Съ ними надо обратиться къ религіи. Энциклопедистъ Вольтеръ, всю жизнь на-чисто отрицавшій религію, передъ смертью почувствовалъ страшную пустоту и одиночество и, раскаявшись, умеръ христіаниномъ. Нѣчто подобное произошло на нашихъ глазахъ въ 1916 г. съ профессоромъ М. М. Ковалевскимъ. Всю жизнь онъ тоже отрицалъ религію и считался атеистомъ, когда же почувствовалъ приближеніе смерти, пригласилъ священника, раскаялся, исповѣдался и причастился Св. Христовыхъ Таинъ во оставленіе грѣховъ.

Религія—это солнце, которое освѣщаетъ непроглядную тьму безвѣрія. Это свѣтильникъ для науки. Религія—это свѣтъ, который во тьмѣ свѣтитъ и который никакая тьма никогда не объясъ. (Іоанн. 1, 5).

А поэтому скажемте словами Господа Нашего Иисуса Христа: „вѣруйте во свѣтъ, да сынове свѣта будете“. (Іоанн. 12, 36).

Воскликнемте словами поэта:

„Да здравствуетъ солнце!
Да скроется тьма!“

Протоіерей Павелъ Панфиловъ.

О. Арсеній Слесаренко.

12 января сего года, въ 4 ч. 30 м. по полудни, въ больницѣ Краснаго Креста въ Резекне, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни сердца, скончался настоятель Кульневской церкви, священникъ Арсеній Слесаренко. Покойный родился 1892 г. 25 апр. въ м. Освѣи, Дриссенскаго уѣзда, Витебской губ., окончилъ полный курсъ богословскихъ наукъ въ Витебской духовной Семинаріи, съ званіемъ студента, въ 1917 году и тогда же поступилъ въ Харьковскій Университетъ, изъ котораго, однако, долженъ былъ выступить по причинѣ начавшейся революціи на Украинѣ; въ 1920 году, по прибытіи въ Латвію, онъ поступилъ на должность псаломщика Викснумѣжской церкви и въ 1927 году — рукоположенъ въ санъ священника къ Кульневской церкви; состоялъ законоучителемъ въ четы-

рехъ мѣстныхъ основныхъ школахъ и членомъ волостной Ревизионной Комиссіи; за усердную службу отмѣченъ духовнымъ Начальствомъ наградами — набедренникомъ, скуфьею и камилавкою.

Вечеромъ того же дня тѣло покойнаго, стертое лампаднымъ масломъ и облаченное въ священническія одежды, положенное въ гробъ, было по принятому въ данномъ случаѣ порядку, перенесено въ Резекнескій Соборъ, а на другой день, по совершеніи панихиды, перевезено къ мѣсту служенія покойнаго и поставлено въ его квартирѣ. Здѣсь священнослужителями Резекнескаго благочинія и отчасти другихъ округовъ предъ гробомъ покойнаго, по очереди, читалось Евангеліе. 15 января, въ 10 час. у., тѣло покойнаго было перенесено въ Кульневскій храмъ, въ которомъ, въ сослуженіи 4 протоіереевъ, 7 священниковъ и 2 діаконовъ, была совершена заупокойная Литургія и отпѣваніе по священническому чину. Соотвѣтствующія поученія были произнесены Прот. С. Ефимовымъ и свящ. І. Легкимъ. Собрались отдать послѣдній долгъ почившему свои прихожане, учащіеся вмѣстѣ со своими начальниками; были молящіеся и изъ другихъ приходоѡвъ. Отпѣваніе окончилось уже въ четвертомъ часу по полудни; послѣ чего гробъ съ останками почившаго былъ обнесенъ вокругъ храма и погребенъ въ церковной оградѣ съ правой стороны при входѣ въ храмъ. На свѣжую могилу были возложены вѣнки и цвѣты отъ благодарныхъ сотрудниковъ по церкви, приходу и школамъ, и отслужена послѣдняя литія.

Съ грустью при начавшемся зимнемъ вечерѣ расходились участники печальнаго торжества, сожалѣя о безвременной кончинѣ полезнаго и необходимаго труженика на нивѣ Христовой о. Арсенія, отличавшагося отеческою простотою и обходительностью съ своими духовными дѣтьми, цѣнившими и любившими его. Еще надолго сохранится въ нихъ добрая память о своемъ почившемъ духовномъ отцѣ...

Миръ праху почившаго! Послѣ смерти покойнаго осталась вдова съ приѣмнымъ девятилѣтнимъ мальчикомъ — круглымъ сиротою, находившимъ себѣ мѣсто въ любвеобильномъ сердцѣ покойнаго.

Благочинный, Прот. Гр. Счесновичъ.

ПОДПИШИТЕСЬ

на единственный въ Латвіи православный русскій журналъ

„ВѢРА и ЖИЗНЬ“

Поддержите его!

Распространяйте его!

Порядокъ чтенія акаѣиста предъ внѣбого- служебной бесѣдой

(одобренъ Высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ
Августиномъ).

Обычное начало: „Благословенъ Богъ нашъ“...
„Слава Тебѣ, Боже нашъ“... „Царю небесный (поютъ).

Великая эктенья. Возгласъ: „Яко подобаетъ“...

Чтеніе „Трисвятаго“ по „Отче нашъ“... Возгласъ.

Пѣніе кондака акаѣиста.

Акаѣистъ. Молитва акаѣиста.

Сугубая эктенья: „Рцемъ вси“...

Просительная эктенья: „Исполнимъ молитву“. „Воз-
гласъ: „Яко Богъ милости“... „Миръ всѣмъ“. „Главы наша
Господеви приклонимъ“. Возгласъ: „Твое бо есть“...

„Премудрость“! Полный отпустъ.

При соотвѣтствующемъ пѣніи, вѣрующіе подходятъ
къ цѣлованію иконы, предъ которою читался акаѣистъ.

Пѣніе должно быть общее.

Въ вокресные дни Великаго Поста, по прочтеніи ака-
ѣиста, одинъ изъ прокимновъ:

„Князи людстии собрашася вкупѣ на Господа и на
Христа Его“.

„Положиша Мя въ ровѣ преисподнѣмъ темныхъ и
сѣни смертнѣй.

„Раздѣлиша ризы Мои о себѣ и о одеждѣ Моей ме-
таша жребій“.

Чтеніе Евангелія:

въ первое воскресенье: отъ Іоанна 13, 31—14, 20.

„ второе „ „ Матѳея 26, 36—66.

„ третье „ „ „ 27, 1—2, 11—37.

„ четвертое „ „ „ 27, 38—54.

„ пятое „ „ „ 27, 55—66.

Предъ чтеніемъ и послѣ чтенія Евангелія припѣвъ:
„Слава Страстемъ“...

Далѣ сугубая и просительная эктенья и отпустъ,
какъ сказано выше.

При цѣлованіи иконы или запрестольнаго Креста
(выносимаго на средину храма предъ началомъ акаѣиста),
вѣрующіе поютъ: „Приидите убожимъ“...

По окончаніи акаѣиста предлагается собравшимся
общедоступная бесѣда (или чтеніе) и общее пѣніе наиболѣе
употребительныхъ церковныхъ пѣснопѣній по Молитвен-
нику. Во время бесѣды (или чтенія) вѣрующіе могутъ
сидѣть.

Redaktors-izdevējs, Virspriesteris **Nikolajs Perechvaļskis.**
Редакторъ издатель, Протоіерей **Николай Перехвальскій.**

Kopdarbības s-ba „Tipogrāfs“, Rīgā, Merķeļa ielā 6. Tālr. 22164.